

«НИЗЛОЖИЛ СИЛЬНЫХ С ПРЕСТОЛОВ...»

(Лк 1:52)

КОНФЛИКТ ЦАРСТВ В ПОВЕСТВОВАНИЯХ ЛУКИ О РОЖДЕСТВЕ^[1]

Аннотация: Политическое измерение евангельской вести – один из наиболее актуальных и дискутируемых вопросов. Достаточно долгий период времени отечественные христиане ограничивали воздействие евангелия сферой духовных вопросов, а также персональной морали. Социальная и, тем более, политическая составляющая человеческого существования как будто выпадала из поля зрения. В данной статье рассматривается мотив конфликта царств и его политические импликации, как они представлены в повествованиях о Рождестве в Евангелии от Луки. Мотив конфликта царств рассматривается в свете литературных приемов Луки и вписан в более широкий богословский контекст вести о Царстве Божьем.

Ключевые слова: повествования о Рождестве, Евангелие Луки, конфликт царств, Царство Божье.

Abstract: Political dimension of the gospel message is one of the most relevant and debatable issues. For a long time local Christians limited the impact of the gospel by the spheres of spiritual issues and personal morality. Social and even political dimension of human existence dropped off the focus. This article treats the clash of the kingdoms motif and its political implications as they are represented in Luke's Nativity narrative. The clash of the kingdoms motif is explored in the light of Luke's literary techniques and is imbedded into the wider theological context of the message of the Kingdom of God.

Keywords: nativity story, the Gospel of Luke, clash of the kingdoms, Kingdom of God.

Александр Гейченко, докторант университета Сент-Эндрюс, Великобритания, ректор Одесской богословской семинарии.

Введение

Непосредственный опыт жизни ставит перед церковью вопросы, о которых она раньше не задумывалась, или, в силу разных причин и обстоятельств, старалась избегать. Один из таких вопросов — политическое измерение евангельской вести. Исторически сложилось так, что отрицательный опыт взаимодействия с политической сферой в период военного коммунизма и во время великих репрессий в первой половине двадцатого века стал причиной того, что воздействие евангелия было ограничено сферой духовных вопросов или персональной морали. Социальная и политическая составляющая человеческого существования выпадала из поля зрения. Эти настроения усилил радикальный эсхатологизм: существующий мир идет в погибель, а мы ожидаем жизни на небесах. Вопросы, беспокоящие широкое общество, не входили в круг интересов евангельских христиан на постсоветском пространстве. В настоящее время эта ситуация начинает постепенно изменяться. Размышления о том, что искупление должно охватить все те сферы, которые были искажены грехом, все глубже укореняется в мышлении нового поколения христиан. Но действительно ли евангельская весть имеет политические импликации? Ниже мы рассмотрим рождественское повествование Луки. В частности, будет проанализирован мотив конфликта царств и его политические импликации. Мы начнем с

представлений о Царстве Божьем как широком богословском контексте, после чего рассмотрим мотив конфликта в свете литературных приемов Луки.

ЦАРСТВО БОЖЬЕ КАК ОБЩИЙ БОГОСЛОВСКИЙ ФОН ЛУКИ

Царство Божье в современной библеистике

Концепция Царства Божьего представляет собой одну из наиболее хорошо изученных в современной библеистике.^[2] Отчасти это объясняется возросшим в начале двадцатого столетия интересом к эсхатологии и апокалиптике, а также решимостью определить наиболее важный компонент в проповеди Иисуса Христа. Однако в конце двадцатого столетия среди библеистов начинает формироваться консенсус о многослойности концепции Царства Божьего. Так американский библеист Норман Перрин выдвинул предположение, что Царство Божье — это многогранный символ или нарратив, вращающийся вокруг ряда общепринятых ключевых идей.^[3] Этот нарратив или символ затрагивает всего человека — разум, эмоции, волю, индивидуальное и коллективное — а также предлагает многогранную призму для прочтения окружающего мира. Ядро повествования о Царстве Божьем содержит следующие идеи:

^[1] Статья представляет собой доработанную версию доклада, прочитанного в ходе Рождественских чтений в Научной библиотеке Одесского национального университета им. Мечникова (26 декабря 2017, Одесса, Украина).

^[2] См. обзор современной дискуссии в К.К. Карагунис, 'Царство Божье/Царство

Небесное', ed. Джоэль Грин, Скот Макнайт, and Говард Маршалл, *Иисус и Евангелия*, Современная Библеистика (М.: ББИ, 2003), 726–28.

^[3] Karl Allen Kuhn, *The Kingdom According to Luke and Acts: A Social, Literary, and Theological Introduction* (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2015), 24.

1. Яхве — царь Израиля и владыка вселенной (1 Пар 29.11; Пс 94.3-6).
2. Существующий порядок творения и состояние народа Божьего не соответствует воле Божьей (Быт 6.5-7).
3. Бог вмешается, чтобы реорганизовать творение в соответствии со Своими намерениями (Ис 66).

Данные ключевые положения укоренены в священной традиции древних израильтян.

Одной из особенностей такого символа или нарратива является то, что его можно прочитывать по-разному, что видно в различных видениях Царства Божьего, циркулировавших в период незадолго до рождения Иисуса Христа. Библиисты объединяют различные видения Царства Божьего в две категории: «пророческие/националистические» и «апокалиптические».

Первое касается земных реалий:

- а) избавление, которое сфокусировано на восстановлении и правлении Израиля как суверенного социально-политического образования, влиятельного и процветающего;
- б) возвращение к заветной верности Яхве. Иногда это видение связано с реальным возвращением династии Давида на престол Израиля и поражением всех врагов.

Второе относится к потусторонней реальности:

- а) борьба против врагов Израиля видится в космических масштабах — конфликт сил Бога и сил зла;

- б) в апокалиптических видениях на стороне народа Божьего сражаются сверхъестественные существа.

Категории «националистических» и «апокалиптических» версий повествования слишком общие, чтобы отразить все многообразие вариантов. Именно поэтому Карл Кун вводит ряд положений, которые встречаются в разных версиях «истории Царства Божьего» в межзаветный период:

- Агенты избавления: Мессия из рода Давида, небесные избавители, священник, эсхатологический пророк/учитель праведности;
- Сфера будущего благословения в апокалиптическом видении: вселенское преобразование с новым небом и землей, блаженное обитание в небесах;
- Храм и царство: восстановление храма и Израиля, к которому будут стекаться народы, утверждение небесного храма на земле;
- Излияние Духа Божьего на Мессию и верных;
- Отождествление с бедными и их защита.

Перечисление ключевых и вариативных компонентов истории о Царстве Божьем помогает задать общий контекст для понимания вести Луки.

Царство Божье в Евангелии от Луки

Концепция Царства Божьего занимает одно из центральных мест в эсхатологии Луки.^[4] Обобщая эту тему, Даррелл Бок указывает на четыре основных элемента представлений о Царстве у Луки: настоящая реальность, грядущая реальность, обетование Царства как политическая реаль-

^[4] Jonathan Knight, *Luke's Gospel*, 1st ed., New Testament Readings (London; New York: Routledge, 1998); Darrell L. Bock, *Theology of Luke and Acts*, 1st ed., Biblical Theology of the New Testament (Grand Rapids, MI: Zondervan, 2012).

ность и Царство как духовная реальность.^[5]

Царство уже «здесь и сейчас». Иоанн Креститель — последний пророк, соединяющий две эпохи (Лк 7.28); ученики посланы возвещать «приблизившееся Царство» (Лк 10.9); поверженный Сатана пал как молния с неба (Лк 10.18-19), Царство проявляется в силе (Лк 11.20-23), оно уже «среди» неверующих фарисеев (Лк 17.21). Но Царство еще не осуществилось в полную силу, оно все еще грядет. Обетования, данные ветхозаветным пророкам, начали исполняться, но еще не до конца. Царство ожидают с надеждой (см. Лк 17.22-37; 21.5-38).

Мотив царства как политической реальности виден в упоминании воцарения Иисуса на престоле Давида в доме Иакова Лк 1.32-33, 51-55). Это исполнение мессианских ожиданий народа, когда власть имущие и бедные мира поменяются местами (мотив перестановки/реверса).^[6] И все же, грядущий царь не только учреждает новую политическую реальность, но проливает свет во тьму объятаго грехом мира, оживляет смертную юдоль (Лк 1.78-79) и направляет на стези мира.

В свою очередь, Джонатан Найт добавляет, что представление о Царстве у Луки эсхатологическое правление Бога над всеми народами, которое также имеет нравственное, социальное и экономическое измерения.^[7]

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ЛК 1-2

Анализируя литературные особенности повествования о рождении, Карл Кун указывает на следующие контуры

повествования о Царстве Божьем в рассказе Луки:

1. Бог царствует и совершает события, о которых ведется повествование. Бог — главное действующее лицо драмы спасения, направляющее ее в соответствии со своим замыслом.
2. Исполнение Божьего обещания спасти. Окружение и речи главных действующих персонажей указывают на то, что данные события есть исполнением Божьих обещаний посетить Его народ и все человечество.
3. Главные персонажи неизменно откликаются на весть: верят, радуются Благой вести и возвещают ее.
4. Посещение Богом Божьего народа в Иисусе, который есть ожидаемый Мессия, Сын Божий и Господь.
5. Перестановка/реверс. Посещение Богом Своего народа изменит существующий порядок вещей, возвеличив слабых и унижив гордых. Ничто не помешает осуществлению Божьего замысла.^[8]

Эти контуры помогают лучше увидеть, как Лука соединяет различные мотивы, объединяя их в личности Иисуса Христа.

Структура и персонажи повествования

Так называемая «увертюра Евангелия от Луки», охватывающая первые две главы, содержит несколько повествовательных линий, которые организованы в своеобразный «ступенчатый параллелизм». После вступительных слов (1.1-4), говорящих о намерении и мотивах написания Евангелия, увертюра следует схеме «благовеще-

^[5] Bock, *Theology of Luke & Acts*.

^[6] Подробнее об этом мотиве ниже.

^[7] Knight, *Luke's Gospel*, 169–70.

^[8] Kuhn, *The Kingdom According to Luke and Acts*, 130.

ние-рождение-наречение», которая перемежается прямой речью главных персонажей: Елизаветы (1.42-45), Марии (1.46-56), Захарии (1.67-79) и Симеона.^[9]

Оповещения и повествования о рождении

Первая часть Евангелия Луки напоминает повествовательные формы, типичные для греко-римских биографий его времени: оповещения и повествования о рождении. Авторы биографий включали эти формы, чтобы подчеркнуть основные качества, способности и призвание главного действующего лица. Лука существенно изменяет форму, расширяя ее фокус и функцию. Так повествование о рождении (Лк 1-2) знакомит с Иоанном и Иисусом. Лука переплетает оповещения об их рождении (Лк 1.5-25, 26-38). Также повествование содержит ряд других важных персонажей, из прямой речи которых мы узнаем о широких контурах ожидаемого избавления, о котором Лука повествует в своем евангелии. Таким образом, повествование о рождении не только формирует наши представления о главном персонаже, но служит богатым и убедительным введением в Божий замысел избавления, описанный у Луки.

Формальные элементы оповещений о рождении, встречающиеся в ВЗ включают следующие компоненты:

1. Явление ангела Господня (или Господа);
2. Страх, вызванный явлением и сопровождающийся падением ниц;
3. Божественное послание: обращение по имени, характеристика, призыв не бояться, женщина беременна или забеременеет, она родит ребенка, ребенку дается имя, значение имени, предсказание о будущих свершениях ребенка;
4. Отзыв реципиента;
5. Знамение, удостоверяющее реципиента.

Помимо формальных элементов оповещения отмечают роль младенца в отношении народа Божьего. Лука использует оба оповещения, чтобы показать как Иоанн и Иисус вписываются в пришествие Царства Божьего.

Прямая речь персонажей

Использование прямой речи персонажей — распространенный прием в греко-римской и еврейской биографической литературе. Наиболее распространенные причины использования — обострить мотивы, ведущие к моменту принятия решения, развлечь, охарактеризовать главных персонажей, информировать получателей о подробностях, не освещенных в повествовании. Помимо этого, речь персонажа в древнем историческом повествовании часто помогала читателям сосредоточить внимание на событиях, изображенных в повествовании, и помочь им понять, почему эти события имеют центральное значение для развертывающейся истории.

Лука часто использует речь персонажей, чтобы истолковать значение происходящих событий или ситуаций, или же развернуть свое пове-

^[9] О литературной структуре и цели отрывка см. Philip L. Shuler, 'The Rhetorical Character of Luke 1-2', in *Literary Studies in Luke-Acts: Essays in Honor of Joseph B. Tyson*, ed. Richard P. Thompson and Thomas E. Phillips (Macon, Ga: Mercer University Press, 1998), 173-90; Marianne Palmer Bonz, *The Past as Legacy: Luke, Acts and Ancient Epic* (Minneapolis: Augsburg Fortress, 2000), 132-34.

ствование по траектории пересекающихся мотивов. Таким образом, с помощью речей Лука связывает эпизоды в единую историю, что можно характеризовать как «создание идеологического контекста». Так, повествование о рождении задает интерпретационные рамки, помогающие понять всей дальнейшей истории о Царстве Божьем. В упомянутом отрывке встречаются три прямые речи персонажей: приветствие Елизаветы (Лк 1.41-45), славословие Марии или *Magnificat* (Лк 1.46-56) и гимн Захарии или *Benedictus* (Лк 1.67-80). В этих отрывках прямая речь персонажей поясняет значение описываемых событий и их связь с Божьим замыслом. Именно Елизавета получает право первой засвидетельствовать о наступлении Царства Божьего в грядущем Мессии. Ощувив, как младенец забился внутри нее, она приветствует Марию, называя блаженной ее и ее отпрыска, а также нарекая ее «матерью Господа моего», заявляя, что «совершится сказанное ей от Господа». Со слов Елизаветы абсолютно ясно, что за всеми описываемыми событиями стоит Господь Бог: Он призрел на Елизавету, беременность Марии осуществляется в исполнение слов Господа через Гавриила. Называя Марию «матерью Господа моего» она подчеркивает высокий статус Иисуса (ср. 1.32-35) и впервые в повествовании называет Его Господом.

Песнь Марии более развернуто освещает наступление Царства Божьего.

1. Бог царствует и совершает все эти события. Зачатие и все спасительные события, которые развертываются — результат божественного владычества и действия. Мария постоянно ссылается на милость Бога (1.50), осуществление его за-

ветных целей (1.54-55), Бог предстает как Сильный (1.49), который опрокинет врагов.

2. Исполнение Божьего обещания спасти. Центральное место занимает утверждение о Божьем восстании Израиля. Мария радуется о спасении (1.49), говорит о значении ее сына для всего Израиля (1.50-55), исполнении обетований о спасении (1.54-55)
3. Верный отклик: верить и радоваться Благой вести. Мария доверяет и радостно откликается на весть Господа.
4. Посещение Богом Божьего народа в Иисусе, Мессии, Сыне Божьем и Господе. Магнификат раскрывает, как в Иисусе Бог посетил свой народ.
5. Полная перестановка/Реверсирование. Здесь полная перестановка состоит в том, что весть космического значения звучит из уст деревенской девушки. Помимо того, верные Божьи, представленные в тексте как «смирненные» и «алчущие», противопоставляются «сильным» и «надменным помышлениями сердец».

Гимн Захарии также содержит основные элементы истории о Царстве Божьем:

1. Бог царствует и совершает все эти события. От начала до конца, гимн Захарии — весть о владычестве и активном действии Бога среди Его народа.
2. Исполнение Божьего обещания спасти. Захария говорит о «роге спасения», что может быть как отсылкой к Мессии, так и к прямому владычеству Бога. Мессианские образы связаны с посещением и избавлением Израиля, что само по себе — милосердие Божье.

3. Верный отклик: верить и радоваться Благой вестю. Бенедиктус служит примером радостного и доверительного отклика на вестю Господню. Он также содержит информативный призыв к этому: «небоязненно, по избавлению от руки врагов наших служить Ему в святости и правде во все дни жизни нашей» (1.74-75), подчеркивая, что избавление и благочестие тесно связаны.
4. Посещение Богом Божьего народа в Иисусе, Мессии, Сыне Божьем и Господе. Гимн подчеркивает роль Иоанна Крестителя в грядущем пришествии Мессии.

МОТИВ КОНФЛИКТА ЦАРСТВ

Даже при поверхностном прочтении первых глав Евангелия от Луки от взора не может ускользнуть то, что поэтические фрагменты этого раздела, прямая речь главных действующих лиц содержат описание могущественных деяний Божьих, выраженных языком исторических политических действий. По мнению Говарда Маршалла, использование в греческом тексте глаголов в аористе может подразумевать как то, что здесь описаны свершения Бога в прошлом, так и то, что Он совершает нечто в настоящем

или же совершит в недалеком будущем, действия, «связанные с тем, что Он совершал для Своего народа в прежних поколениях».^[10] Повествование связывает эти надежды с рождением Иоанна и Иисуса. Совершенно очевидно, что надежда касается не только политических ожиданий, речь идет о духовном и религиозном возрождении Израиля, прощении грехов и жизни в праведности и святости.

Размышления Марии о сказанном ей содержат явный политический окрас. Мотив Божьего избавления с последующим изменением удела довольно широко представлен в традиции Израиля, особенно в псалмах. Бедные — это те, кто в социальном и экономическом смысле «унижен» (1.48, 52), они же «алчут» (1.53). В противовес «надменным», «сильным» (1.52) и «богатым» (1.53), нищие — это те, кто «боятся Бога» (1.50). Именно они будут возвышены и введены в славу Божью. Джон Кэррол отмечает: «Иисуса, совершающего свое служение — с его видением социальных преобразований, которые возвысят бедных и бесправных и понизят богатых и могущественных — не следует считать социальным новатором.... Социальная революция Божьего правления продолжает древнюю историю».^[11] Отличие от традиционной темы социальной справедливости, столь типичной для Бога, состоит в

^[10] I. Howard Marshall, 'Political and Eschatological Language in Luke', in *Reading Luke: Interpretation, Reflection, Formation*, ed. Craig G. Bartholomew, Joel B. Green, and Anthony C. Thiselton, Scripture and Hermeneutics Series, Vol. 6 (Milton Keynes, U.K.; Colorado Springs, Colo.: Paternoster Press, 2005), 158.

^[11] Цит. по Kuhn, *The Kingdom According to Luke and Acts*, 134. О политическом измерении вестю о Царстве Божьем см. Philip Francis Esler, *Community and Gospel in Luke-*

Acts: The Social and Political Motivations of Lucan Theology, Reprint edition (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); Richard A. Horsley, *Jesus and Empire: The Kingdom of God and the New World Disorder* (Minneapolis, MN: Fortress Press, 2002); John Dominic Crossan, *God and Empire: Jesus Against Rome, Then and Now*, 1st ed. (New York, NY: HarperOne, 2008); Richard A. Horsley, *Jesus and the Politics of Roman Palestine* (Columbia, SC: University South Carolina Press, 2014).

том, что избавление бедных должно вот-вот совершиться.

Вот как это характеризует Алан Сторки:

«Низложил сильных с престолов и вознес смиренных» (Лк 1.52). Довольно неожиданно. Тема победы и могущества сменяется темой вознесения смиренных. Привычный порядок вещей нарушается. Сильные низложены, смиренные вознесены. Эти слова звучат как призыв к перевороту, но не к мятежу. В них надежда и помощь могущественной десницы Божьей, на дитя в ее чреве. Контраст очевиден. Ирод Великий держит страну под контролем с разрешения римлян. В его распоряжении крепости и войска, враги трепещут в предсмертном страхе. Таков общепринятый способ управления государством. Но мы ясно понимаем (если мы ее способны на это, живя в мире сверхдержав и ракетных установок) безумие такого правления, безумие, вынуждающее Марию и Иосифа бежать в Египет ради спасения маленького Иисуса. «По-настоящему разумная политика у Того, кто рассеет надменных в заблуждении их сердец», — сказал Вильям Тиндейл перед своей мученической смертью. Особый смысл заключен в слове «заблуждение». Правители исповедуют прагматизм «реальной политики», но, по словам Марии, гордыня часто заставляет их принять за реальность то, что на самом деле является ложью и самообманом. Позднее Иисус рассеет заблуждения светом истины. Все это не поддается четкой формулировке. Между пророчеством Марии и преобладавшими в обществе ожиданиями

существует огромная разница. Истинное представление о Мессии носит свой особый характер.^[12]

С точки зрения Алана Сторки надежда, выраженная в гимне Захарии, имеет более приземленный и ограниченный национальными интересами Израиля фокус.^[13] Он полагает, что ожидание, что Бог «спасет нас от врагов наших и от руки всех ненавидящих нас» и даст «необязанно, по избавлении от руки врагов наших служить Ему в святости и правде во все дни жизни нашей (Лк 1.71, 74-75) явно контрастирует с картиной, представленной в Магникафе: «низложил сильных с престолов и вознес смиренных, алчущих исполнил благ, и богатыщихся отпустил ни с чем» (Лк 1:52-53). Хотя он и прав, но все, же чаяния находят отзвук и в молитве Марии: ст. 54 говорит о надежде восстановления заветных отношений с Израилем.

Краткое пророчество Симеона (2.29-35) также содержит мотив конфликта, связанного с рожденным Младенцем: «се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий, ... да откроются помышления многих сердец».

Последующее евангельское повествование, приводящее к крестной смерти Мессии, заставляет задуматься о проблеме исполнения политических ожиданий, озвученных в прямой речи Марии и Захарии. По мнению Говарда Маршалла те, кто переносит это исполнение в отдаленное будущее, связывая его с пришествием и торжеством Мессии, не учитывают связи политических ожиданий с развертывающейся историей.^[14] С другой стороны, попытки увидеть в политических ожиданиях ложные надежды вступают в противоречие с тем, как

^[12] Alan Storkey, *Jesus and Politics: Confronting the Powers*, 1st ed. (Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2005), 98.

^[13] Storkey, 98.

главные персонажи представлены в повествовании: верные, благочестивые и исполненные Святого Духа люди. Маршалл предлагает третий вариант решения проблемы: прямая речь использует иной язык, чтобы подчеркнуть важность происходящего. Похожая ситуация возникает, когда Иисус комментирует отчет посланных семьдесят учеников: «Я видел сатану, спадшего с неба как молнию» (Лк 10.18). Здесь, по мнению Маршалла, Иисус использует язык мифа, чтобы подчеркнуть, что происходило, когда Его ученики изгоняли бесов. Другими словами, язык подчеркивает космическое значение происходящего, хотя эти события могли бы считаться второстепенными компонентами чего-то большего. Подобным образом, полагает Маршалл, политическая риторика — один из способов выразить реалии миссии Иисуса. Что это на самом деле означает?

Во-первых, это означает, что миссия Иисуса такова, что для ее объяснения можно использовать метафору политики. Она «политическая», но не в том смысле, как мы понимаем политику. Политика занимается безопасностью государства, поддержанием закона и порядка в государстве и развитии его общественной жизни и благосостояния. Здесь же речь идет об утверждении принципиально иного царства, которое, за неимением лучшего, характеризуется как духовное, поскольку оно фокусируется на сближении народа с Богом, в результате которого он начинает жить по-новому. Оно может выражаться в могущественных действиях исцеления, но

лишено вооруженной силы, типичной для земных правителей. Язык указывает на то, что происходящее — не просто речь пророка. Это божественный эквивалент военной кампании, в которой противоборствующие силы — это сверхъестественные силы Бога и сатаны. Другими словами, Лука указывает, что идеалы, выраженные политическим языком, будут достигнуты иным путем.

Во-вторых, это означает, что политический язык Луки в увертюре Евангелия следует воспринимать не буквально, а метафорически. Военные или спортивные метафоры, характерные для христианской гимнографии автоматически переосмысляются в духовном смысле. Таким образом, то, что представляется военными действиями, которые принесут перемены, следует воспринимать метафорически как труд того, Кто ходил, уча и творя добро. Только по мере развертывания евангельского повествования читатель переосмысляет свое истолкование поэтических фрагментов увертюры. Здесь следует отметить, что Маршалл излишне осторожен. Политические последствия пришествия Мессии являются неизбежным следствием окончательного утверждения Божьего владычества, которое было инициировано в первое пришествие и исполнится во втором. На данном же этапе мы живем между «уже да, но еще нет». Карл Кун обоснованно утверждает, что «религия, экономика, политика и социальная стратификация были тесно переплетены в древнем мире (и большей части истории человечества)».^[15] Следовательно, главные персонажи увертюры понимали Божье вмешательство как одновременно политическое, экономическое, социальное и религиозное.

^[14] Marshall, 'Political and Eschatological Language in Luke', 160.

^[15] Kuhn, *The Kingdom According to Luke and Acts*, 134.

Библиография

- Bock, Darrell L. *Theology of Luke and Acts*. 1st ed. Biblical Theology of the New Testament. Grand Rapids, MI: Zondervan, 2012.
- Bonz, Marianne Palmer. *The Past as Legacy: Luke, Acts and Ancient Epic*. Minneapolis: Augsburg Fortress, 2000.
- Crossan, John Dominic. *God and Empire: Jesus Against Rome, Then and Now*. 1st ed. New York, NY: HarperOne, 2008.
- Esler, Philip Francis. *Community and Gospel in Luke-Acts: The Social and Political Motivations of Lucan Theology*. Reprint edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Horsley, Richard A. *Jesus and Empire: The Kingdom of God and the New World Disorder*. Minneapolis, MN: Fortress Press, 2002.
- . *Jesus and the Politics of Roman Palestine*. Columbia, SC: University South Carolina Press, 2014.
- Knight, Jonathan. *Luke's Gospel*. 1st ed. New Testament Readings. London; New York: Routledge, 1998.
- Kuhn, Karl Allen. *The Kingdom According to Luke and Acts: A Social, Literary, and Theological Introduction*. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2015.
- Marshall, I. Howard. 'Political and Eschatological Language in Luke'. In *Reading Luke: Interpretation, Reflection, Formation*, edited by Craig G. Bartholomew, Joel B. Green, and Anthony C. Thiselton, 155–77. Scripture and Hermeneutics Series, Vol. 6. Milton Keynes, U.K.; Colorado Springs, Colo.: Paternoster Press, 2005.
- Shuler, Philip L. 'The Rhetorical Character of Luke 1-2'. In *Literary Studies in Luke-Acts: Essays in Honor of Joseph B. Tyson*, edited by Richard P. Thompson and Thomas E. Philips, 173–90. Macon, Ga: Mercer University Press, 1998.
- Storkey, Alan. *Jesus and Politics: Confronting the Powers*. 1st ed. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2005.
- Карагунис, К. К. 'Царство Божье/Царство Небесное'. Edited by Джоэль Грин, Скот Макнайт, and Говард Маршалл. *Иисус и Евангелия*. Современная Библиистика. М.: ББИ, 2003.